

УДК 343.615.1
ББК 67.408.111

Т.А. Плаксина
доктор юридических наук, доцент,
Алтайский государственный университет,
Л.С. Ярцева
кандидат юридических наук,
Алтайский экономико-юридический институт

ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУКЦИИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 4 СТ. 111 УК РФ, В ТЕОРИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

В статье рассматриваются возможности сочетания форм и видов вины в отношении тяжкого вреда здоровью и смерти потерпевшего в рамках преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, приводятся результаты анализа значительного объема судебной практики. Авторы доказывают, что в связи с противоречивостью конструкции субъективной стороны под ч. 4 ст. 111 УК РФ должен подпадать гораздо более узкий круг деяний, чем это имеет место в настоящее время.

Ключевые слова: теория уголовного права, судебная практика, тяжкий вред здоровью, состав преступления, субъективная сторона преступления.

T.A. Plaksina
Doctor of Law, Associate Professor,
Altai State University,
L.S. Yartseva
PhD of Law,
Altai Economics and Law Institute

THE SUBJECTIVE ASPECT OF CONSTRUCTING A CRIME UNDER PART 4 OF ART. 111 OF THE CRIMINAL CODE, IN THE THEORY OF CRIMINAL LAW AND PRACTICE

The possibility of a combination of forms and types of guilt with regard to serious bodily injury or death of the victim in the crime under Part 4 of Art. 111 of the Criminal Code, the results of the analysis of a significant amount of case-law. The authors argue that because of the inconsistency of the design of the subjective side under Part 4 of Art. 111 of the Criminal Code should be subject to a much narrower range of conduct than is the case at present.

Key words: theory of criminal law, litigation, serious bodily injury, the offense of the offense.

В теории уголовного права умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ), традиционно рассматривается как классический пример преступления с двумя формами вины. Показывая возможные сочетания форм и видов вины в отношении тяжкого вреда здоровью и смерти в рамках этого деяния, Р. Адельханян пишет: «Двойная форма вины в рассматриваемом преступлении может проявиться в одном из четырех сочетаний: прямой умысел - преступное легкомыслие; прямой умысел - преступная небрежность; косвенный умысел - преступное легкомыслие; косвенный умысел - преступная небрежность»¹. В то же

время в научной литературе высказано мнение о противоречивости конструкции субъективной стороны данного преступления. Так, В. Лукьянов утверждает, что «характер отношения виновного к смерти пострадавшего не может рассматриваться в качестве юридической категории формы вины, так как не имеет самостоятельного значения, а вытекает из отношения к причинению вреда здоровью. Если лицо имело целью причинение тяжкого вреда здоровью, следовательно, оно должно было сознавать возможность смертельного исхода»². При таком подходе неосторожность (по крайней мере - небрежность) по отношению к смерти потерпевшего в этом деянии исключается.

Решить вопрос о том, какая из обозначенных позиций является правильной, можно лишь на основе дифференцированного рассмотрения признаков субъективной стороны умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, в зависимости от того, каким именно видом представлен тяжкий вред здоровью.

Как известно, существует два вида тяжкого вреда здоровью: 1) вред здоровью, опасный для жизни человека; 2) вред здоровью, относимый к тяжкому по последствиям. Последний охватывает собой несколько альтернативных разновидностей вреда здоровью, непосредственно перечисленных в ч. 1 ст. 111 УК РФ (потеря зрения, речи, слуха; потеря органа или утрата органом его функций; прерывание беременности и т.д.). Среди вариантов тяжкого вреда здоровью, способных повлечь смерть потерпевшего, специалисты называют причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, а также вреда, сопряженного с потерей какого-либо органа или утратой органом своих функций и с прерыванием беременности³.

Очевидно, что применительно к некоторым из названных вариантов тяжкого вреда здоровью, если они повлекли по неосторожности смерть потерпевшего, возможно любое сочетание видов умысла по отношению к тяжкому вреду здоровью и видов неосторожности по отношению к смерти лица. Например, если тяжкий вред здоровью выразился в умышленном (с прямым или косвенным умыслом) прерывании беременности без согласия женщины, то отношение к смерти может быть как в виде легкомыслия, так и в виде небрежности. Наступление смерти потерпевшей вовсе не является обычным последствием, характерным для прерывания беременности. Напротив, по общему правилу при условии соблюдения всех требований, предъявляемых к проведению этой манипуляции в медицине, смерть потерпевшей не должна наступить.

В случае если субъектом умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, выразившегося в прерывании беременности и вызвавшего смерть потерпевшей, являлось лицо, обладающее специальными познаниями и навыками проведения подобных манипуляций, вина по отношению к смерти женщины вполне может быть выражена в виде легкомыслия или небрежности. Такой субъект, допуская нарушение правил производства операции, которое способно повлечь наступление смерти, либо не предвидит это последствие по своей невнимательности, либо предвидит, но не в данном конкретном случае,

рассчитывая на свои знания и свой опыт. Если субъектом описанного деяния выступает иное лицо, легкомыслие или небрежность по отношению к смерти потерпевшей также могут иметь место. Несложно представить себе ситуацию, когда в целях прерывания беременности потерпевшей без ее согласия виновный, не обладающий специальными познаниями в данной области, подмешивает в еду или напитки препарат, способный вызвать прерывание беременности: лицо может либо вообще не предвидеть наступления смерти потерпевшей, либо, предвидя такую возможность, самонадеянно рассчитывать на предотвращение этого последствия (например, субъект, изучив инструкцию к препарату, ошибочно определил его дозу, что вызвало сильное кровотечение, и потерпевшая погибла).

Однако на практике случаи, когда умышленное причинение тяжкого вреда здоровью выражается в прерывании беременности, и тем более в таком прерывании, которое повлекло смерть потерпевшей, если и встречаются, то крайне редко. Практически весь эмпирический материал по ч. 4 ст. 111 УК РФ представлен случаями, когда смерть потерпевшего наступила вследствие причинения тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни. В таких ситуациях решение вопроса о возможных сочетаниях видов умысла по отношению к тяжкому вреду здоровью с видами неосторожности по отношению к смерти потерпевшего выглядит совершенно иначе.

На наш взгляд, как минимум, одно из сочетаний, называемых Р.А. Адельханяном как возможное, - прямой умысел по отношению к тяжкому вреду здоровью и преступная небрежность по отношению к смерти потерпевшего - не может иметь места в силу природы двух соединяемых в таком деянии последствий: если лицо желает причинить вред здоровью, опасный для жизни, оно не может не предвидеть наступления смерти потерпевшего, а ведь именно отсутствие предвидения общественно опасного последствия характеризует интеллектуальный момент небрежности.

Между тем такое сочетание в рамках ч. 4 ст. 111 УК РФ иногда констатируется в приговорах судов. Так, Кировским районным судом г. Томска З. был осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ за причинение потерпевшему тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть, посредством нанесения 20 ударов руками и деревянными палками в область головы и тела. В результате действий З. потерпевшему наряду с прочими телесными повреждениями был нанесен комплекс ран, составляющих открытую

черепно-мозговую травму, относящуюся к тяжкому вреду здоровью, опасному для жизни. При этом в приговоре суд указал, что виновный желал причинить тяжкий вред здоровью, а возможность наступления смерти не предвидел, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть⁴.

Рассуждая о противоречивости указанной конструкции вины (прямой умысел - преступная небрежность) в рамках рассматриваемой разновидности преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, нельзя не обратить внимание на утверждения некоторых исследователей о широкой распространенности сочетания умысла и преступной небрежности на практике. В частности, Р.А. Адельханян пишет: «Изучение судебной практики свидетельствует о том, что вина по отношению к смерти потерпевшего абсолютного большинства осужденных по ч. 4 ст. 111 УК РФ выразилась в виде небрежности, что обусловлено и содержанием умысла, направленного на причинение тяжкого вреда здоровью. Вряд ли можно представить, чтобы лицо, действуя с внезапно возникшим умыслом, предвидев возможность наступления смерти, без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало предотвратить наступление смерти потерпевшего. В такой ситуации, в лучшем случае, лицо может рассчитывать на «авось», но такие действия следует квалифицировать уже как убийство»⁵. Ссылаясь на анализ 190 уголовных дел, Р.А. Адельханян отмечает, что квалификация по ч. 4 ст. 111 УК РФ, как правило, «имеет место в тех случаях, когда смерть наступила вследствие телесных повреждений не жизненно важных органов, либо жизненно важных, но причиненных орудием или способом, не свидетельствующим о предвидении виновным возможности ее причинения»⁶.

Наступление смерти от повреждений органов, не являющихся жизненно важными, действительно возможно. В правоприменительной практике бывают случаи, когда к смерти потерпевшего приводит нанесение ранения в ногу, поскольку вследствие такого ранения повреждаются крупные кровеносные сосуды и причиненное телесное повреждение влечет массивную кровопотерю. Так, Индустриальным районным судом г. Барнаула К. был осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Во время ссоры он нанес один удар ножом в левую ногу потерпевшего, причинив ему колото-резаную рану по внутренней поверхности бедра (длина раневого канала около 10 см) с повреждением бедренных артерий и вены, что повлекло обильную кровопотерю и смерть потерпевшего. Согласно заключению судебно-

медицинской экспертизы, причиненное потерпевшему повреждение являлось тяжким вредом здоровью по признаку опасности для жизни⁷. Но следует иметь в виду, что умысел на причинение тяжкого вреда здоровью при этом нельзя признать прямым, а сами подобные ситуации, когда в результате действий виновного повреждаются органы, не являющиеся жизненно важными, и от этого по небрежности наступает смерть потерпевшего, в практике довольно редки, они отнюдь не образуют большинства преступлений, квалифицируемых судами по ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Та же самая картина наблюдается и применительно ко второй названной Р.А. Адельханяном категории деяний, подпадающих под ч. 4 ст. 111 УК РФ, - к причинению опасного для жизни вреда здоровью посредством нанесения повреждений в жизненно важные органы, но такими орудиями или способами, которые не свидетельствуют о предвидении смерти. Примером такого преступления может служить преднамеренное нанесение потерпевшему одного-двух ударов кулаком в голову, отчего наступает смерть, которую виновный не предвидел, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть. В этом случае, как и в предыдущем, умысел на причинение тяжкого вреда здоровью является косвенным, а сами описанные ситуации в реальной действительности встречаются нечасто и не составляют значительной доли среди деяний, оцениваемых судами по ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Нами были изучены 136 приговоров по ч. 4 ст. 111 УК РФ, вступивших в законную силу в 2010-2012 гг., вынесенных районными судами Барнаула, Томска, Екатеринбурга, Новосибирска, Самары, Волгограда, Москвы (тексты приговоров получены с использованием ГАС «Правосудие» с официальных сайтов судов). Во всех случаях смерть потерпевшего являлась следствием умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни. Те ситуации, которые в исследовании Р.А. Адельханяна определяются как наиболее характерные для ч. 4 ст. 111 УК РФ (причинение смерти по небрежности вследствие умышленного повреждения не жизненно важных органов либо жизненно важных, но орудием или способом, не свидетельствующим о предвидении виновным возможности причинения смерти), встретились нам лишь по восьми уголовным делам (5,9%): в двух случаях виновный нанес потерпевшему ножевое ранение в ногу в область бедра; в шести случаях смерть потерпевшего стала результатом нанесения виновным незначительных (от двух до четырех) ударов невоору-

женной рукой (кулаком) в жизненно важные органы жертвы (голову, шею, живот). Причем лишь в двух из этих приговоров суды указали на небрежность как вид неосторожности в отношении смерти потерпевшего; в остальных либо вид неосторожности вообще не конкретизируется, либо в качестве такового фигурирует легкомыслие.

Анализ материалов уголовных дел показал, что на небрежность по отношению к смерти потерпевшего в сочетании с умыслом на причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, суды ссылались только в 30 приговорах из 136 (22,1%): в ряде из них преступная небрежность непосредственно называлась как вид неосторожности по отношению к смерти потерпевшего; в других случаях суды, не употребляя термин «небрежность», описывали субъективное отношение виновного к смерти, наступившей вследствие умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, в соответствии с формулой небрежности, приведенной законодателем в ч. 3 ст. 26 УК РФ. Таким образом, даже если исходить из возможности существования ничем не ограниченного сочетания умысла по отношению к причинению тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, и небрежности по отношению к смерти, то, как видно из приведенных данных, констатируется такое сочетание судами относительно редко.

В 42 изученных нами приговорах (30,9%) суды либо прямо указали на легкомыслие по отношению к смерти, либо использовали формулировку, приведенную в ч. 2 ст. 26 УК РФ при описании интеллектуального и волевого момента легкомыслия, из чего можно сделать однозначный вывод о том, что имеется в виду именно этот вид вины. При этом в подавляющем большинстве приговоров, в рамках которых суды посчитали установленным такой вид неосторожности в отношении смерти потерпевшего, как легкомыслие, обоснование данного решения не содержится.

Между тем согласно п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ к числу обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, принадлежит и форма вины. Поскольку умысел и неосторожность проявляют себя только через свои конкретные виды (ст.ст. 25 и 26 УК РФ), а не существуют абстрактно, постольку для доказывания наличия той или иной формы вины требуется установить ее конкретный вид. Для констатации неосторожности должно быть обосновано, что по отношению к причинению тех или иных конкретных последствий имеет место легкомыслие или небрежность.

В соответствии с ч. 2 ст. 26 УК РФ преступление признается совершенным по легко-

мыслию, если лицо предвидело возможность наступления последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий. В научной литературе отмечается, что «для констатации легкомыслия суд должен по каждому делу установить, на каких реальных факторах строился расчет виновного избежать общественно опасных последствий. В качестве таковых могут выступать собственные возможности лица (физическая сила, знания, опыт, ловкость, быстрота реакции и т.п.), действия других людей, влияние определенных орудий и механизмов, особенности обстановки, вмешательство природных явлений и т.д. Таким образом, в приговоре суда по ч. 4 ст. 111 УК РФ, которым установлен такой вид неосторожности по отношению к смерти потерпевшего, как легкомыслие, должно быть указано, на какие конкретные обстоятельства, способные предотвратить наступление смерти, самонадеянно рассчитывал виновный.

Как уже отмечалось, по общему правилу суды не приводят в приговорах такие обстоятельства. В некоторых случаях при квалификации содеянного по ч. 4 ст. 111 УК РФ в качестве доказательства легкомыслия как вида неосторожности по отношению к смерти потерпевшего называется отсутствие умысла на причинение такого последствия. Например, приговором Октябрьского районного суда г. Барнаула С. была осуждена по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Преступление совершено при следующих обстоятельствах. В ходе ссоры С. с отчимом последний ударил ее несколько раз рукой по голове и туловищу. Виновная взяла на кухне нож, вернулась в комнату, где оставался потерпевший, который продолжал грубо оскорблять ее, и нанесла ему два удара ножом - в область грудной клетки и по левой руке. Вследствие одного из ударов потерпевшему было причинено колото-резаное ранение грудной клетки (длина раневого канала - 14 см), проникающее в левую плевральную полость с повреждением верхней доли левого легкого, осложнившееся обильной кровопотерей, которое расценено экспертом как тяжкий вред здоровью, опасный для жизни. Данное ранение послужило причиной смерти потерпевшего. Органами предварительного следствия содеянное было квалифицировано по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Суд переквалифицировал действия С. на ч. 4 ст. 111 УК РФ, ссылаясь на то, что умысла на убийство у нее не было: виновная, увидев кровь на одежде потерпевшего, сразу прекратила свои действия, приняла необходимые меры к вызову работников скорой медицинской помощи, при-

бывшую бригаду врачей встречала за пределами своего жилища, сопровождала их до места совершения преступления, где в тот момент находился потерпевший. В приговоре исходя из этого указано, что виновная осознавала общественно опасный характер своих действий, предвидела неизбежность наступления последствий в виде тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, и желала его наступления, а также предвидела возможность наступления смерти потерпевшего, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывала на ее предотвращение⁹.

С отраженной в приговоре позицией суда сложно согласиться по двум причинам: во-первых, само по себе прекращение действий и способствование оказанию медицинской помощи потерпевшему в данном случае не может служить безусловным подтверждением отсутствия умысла на причинение смерти, поскольку он отчетливо усматривается из характера действий, локализации повреждения, орудия совершения преступления; во-вторых, отсутствие умысла на причинение смерти не является доказательством наличия неосторожности. Как уже было сказано, тот или иной вид неосторожности должен быть обоснован в приговоре. В частности, для констатации легкомыслия должны быть перечислены обстоятельства, на которых строился самонадеянный расчет виновного на предотвращение последствий. В данном случае этого не сделано.

Лишь в отдельных изученных нами приговорах, вынесенных по ч. 4 ст. 111 УК РФ, судами называются факторы, на которые, по мнению суда, рассчитывал виновный как на способные предотвратить наступление смерти потерпевшего. Однако эти приговоры не могут быть взяты за образец верного решения рассматриваемого вопроса из-за ошибочного понимания правоприменителем содержания волевого момента легкомыслия.

Так, приговором Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга С. была осуждена по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Во время ссоры на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений она нанесла М. удар ножом в живот. Потерпевшему было причинено колото-резаное ранение, проникающее в брюшную полость, с повреждением внутренних органов, которое расценивается как тяжкий вред здоровью, опасный для жизни. После этого виновная обработала рану и предложила потерпевшему вызвать скорую помощь, но тот отказался, и она ушла из квартиры. На другой день она приходила в квартиру М. убедиться, что потерпевший чувствует себя хорошо. Через пять дней от данного

ранения, осложнившегося распространенным перитонитом, М. скончался. В приговоре отмечается, что в отношении смерти потерпевшего в действиях С. присутствует неосторожность. В обоснование того, что неосторожность выражена в виде легкомыслия, суд указал следующее: «...ударив М. ножом в живот и умышленно причинив ранение, расцениваемое как тяжкий вред здоровью потерпевшего, С. с учетом возраста и жизненного опыта не могла не понимать опасность своих действий и не предвидеть возможность наступления общественно опасного последствия в виде смерти. Изложенное позволяет суду сделать вывод, что именно на С., умышленно поставившей М. в угрожающее для жизни состояние, с целью избежания вредных последствий лежала обязанность обратиться за медицинской помощью вне зависимости от волеизъявления потерпевшего. Вместе с тем, не имея медицинского образования, лишь обработав рану для остановки кровотечения, С. не предприняла всех необходимых мер для оказания требуемой в данной ситуации медицинской помощи и необоснованно, без достаточных к тому оснований рассчитывала на предотвращение последствий в виде наступления смерти потерпевшего»¹⁰. Как видим, суд называет те обстоятельства, которые, по мнению виновной, могли бы предотвратить наступление смерти, но были осознаны ею и приняты в расчет уже после совершения деяния. На основе этих обстоятельств делается вывод о субъективном отношении виновной к смерти потерпевшего в момент совершения деяния.

Такой подход нельзя признать правильным. По смыслу закона при легкомыслии самонадеянный расчет на предотвращение предвидимых возможных последствий своего поведения должен иметь место в момент совершения общественно опасного действия (бездействия). В рамках теории уголовного права это является аксиомой, так как вина есть психическое отношение лица к совершаемому им предусмотренному уголовным законом общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям, проявленное в конкретном преступлении¹¹. За пределами уже совершенного преступления ни интеллектуальный, ни волевой элементы вины находиться не могут. «Для легкомыслия, - отмечает А.И. Рарог, - характерно действительное наличие обстоятельств, принимаемых в расчет виновным, в момент совершения деяния либо закономерность их проявления в этот момент»¹².

А.П. Козлов, обращаясь к анализу легкомыслия, совершенно справедливо отмечает, что «на момент принятия решения действовать лицо

считает исключенным преступный результат и больше не осознает и не предвидит возможности его наступления»¹³. «Расчет, - пишет он, - проходит несколько этапов: а) лицо оценивает ситуацию со всеми ее актуализированными сознанием виновного плюсами и минусами; б) вычленяет обстоятельства, которые, по его мнению, способны предотвратить возможные последствия; в) признает невозможным наступление вредного результата. И именно поэтому лицо принимает решение действовать в желаемом направлении, предполагая, что побочный результат его деятельности не наступит»¹⁴. В данном же случае суд подменяет оценку субъективного отношения виновной к смерти потерпевшего в момент совершения деяния (нанесения ножевого ранения в живот) оценкой ее субъективного отношения к этому последствию после совершения деяния, вынося волевой элемент вины за пределы содеянного. Что же касается обстоятельств, на которые лицо в момент совершения деяния могло бы рассчитывать как на способные предотвратить смерть потерпевшего, то их в подобных ситуациях действительно сложно представить.

В некоторых приговорах, вынесенных по ч. 4 ст. 111 УК РФ (около 3% от числа изученных), суды, не определяя вид неосторожности по отношению к смерти потерпевшего, лишь частично описывают субъективное отношение виновного к данному последствию, указывая, что лицо не желало смерти, но предвидело возможность ее наступления. Такого описания явно не достаточно для обоснования квалификации по ч. 4 ст. 111 УК РФ, поскольку предвидение возможности наступления общественно опасных последствий характерно не только для легкомыслия как вида неосторожности, но и для умысла. В ряде случаев квалификация, данная в приговоре, противоречит выводам самого суда о субъективном отношении виновного к смерти потерпевшего. Так, в 5 изученных приговорах из 136 (3,7%) было указано на безразличное отношение виновного к данному последствию, что характерно для косвенного умысла (ч. 3 ст. 25 УК РФ); тем не менее действия квалифицированы по ч. 4 ст. 111 УК РФ, предусматривающей неосторожность по отношению к смерти.

Представляется, что отмеченные недостатки приговоров судов в немалой степени обусловлены двумя обстоятельствами. Во-первых, сложной и противоречивой является сама конструкция субъективной стороны умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, а существование некоторых вариантов сочетания

умысла по отношению к тяжкому вреду здоровью, опасному для жизни, и неосторожности по отношению к смерти (в частности, прямой умысел - небрежность) вообще невозможно. Не случайно в 54 приговорах из 136 изученных нами (39,7%) вид неосторожности по отношению к смерти вообще никак не определен: суды не только не назвали его, но и не привели никаких формулировок, из которых он был бы понятен. Чаще всего при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью (а в случае если это вред, опасный для жизни, то всегда) виновный допускает наступление смерти потерпевшего, но такое субъективное отношение к этому последствию находится за пределами состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Во-вторых, лица, применяющие уголовный закон, ошибочно полагают, что в реальной жизни случаи, которые должны подпадать под ч. 4 ст. 111 УК РФ, широко распространены. В действительности же ситуаций, когда может использоваться эта норма, многократно меньше, чем фиксируется сейчас в приговорах судов. В силу того, что ч. 4 ст. 111 УК РФ отражает весьма нетипичную в субъективном плане ситуацию – при умышленном причинении вреда здоровью, опасного для жизни, виновный либо вообще не предвидит возможности наступления смерти потерпевшего, хотя должен был и мог ее предвидеть, либо самонадеянно рассчитывает на ее предотвращение, частота применения данной нормы не может быть сопоставима с частотой применения статей об ответственности за убийство. Между тем судебная статистика свидетельствует об обратном: согласно отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2011 г. за все виды убийств (ст.ст. 105-108 УК РФ) в Российской Федерации было осуждено вступившими в силу приговорами судов 11696 человек, а за преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ, – 8893 человека¹⁵; в 2010 г. соответственно 13456 и 9849 человек¹⁶. Как видим, хотя количество осужденных за эти преступления и различается, тем не менее, это числа одного порядка.

Полагаем, что практика применения ч. 4 ст. 111 УК РФ должна быть изменена: данную норму следует применять по отношению к весьма ограниченному кругу деяний. Большую же часть преступлений, квалифицируемых в настоящее время по ч. 4 ст. 111 УК РФ, надлежит расценивать как убийство, поскольку они характеризуются допущением смерти потерпевшего или безразличным к ней отношением, вытекающим из умышленного отношения к тяжкому вреду здоровью, опасному для жизни.

¹Адельханян Р. Субъективная сторона особо тяжкого преступления против здоровья (ч. 4 ст. 111 УК РФ) // Уголовное право. 2000. - № 1. - С. 4.

²Лукьянов В. Технический прогресс и уголовное законодательство // Российская юстиция. -1999. - № 10. - С. 30.

³Адельханян Р.А. Причинение тяжкого вреда здоровью при особо отягчающих обстоятельствах: уголовно-правовое и криминологическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Ростов-на-Дону, 2000. - С. 8-9.

⁴Приговор Кировского районного суда г. Томска по делу № 1-64/12 [Электронный ресурс]. URL:http://kirovsky.tms.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&op=show_text&srv_num=1&id=70600011202271030030621000682926.

⁵Адельханян Р.А. Причинение тяжкого вреда здоровью при особо отягчающих обстоятельствах: уголовно-правовое и криминологическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Ростов-на-Дону, 2000. - С. 19.

⁶Адельханян Р.А. Причинение тяжкого вреда здоровью при особо отягчающих обстоятельствах: уголовно-правовое и криминологическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Ростов-на-Дону, 2000. - С. 7, 18-19.

⁷Приговор Индустриального районного суда г. Барнаула по делу № 1-250/12 [Электронный ресурс]. URL:http://industrialny.alt.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&op=show_text&srv_num=2&id=22600651205220849282651000783012.

⁸Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. - С.116.

⁹Приговор Октябрьского районного суда г. Барнаула по делу № 1-210/12 [Электронный ресурс]. URL:http://oktabrsky.alt.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&op=show_text&srv_num=1&id=22600671205160946210761000753487.

¹⁰Приговор Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга по делу № 1-3/12 [Электронный ресурс]. URL: http://zheleznodorozhny.svd.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&op=show_text&srv_num=2&id=66600021202031122401251000163211.

¹¹Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. - С. 64.

¹²Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. - С. 116.

¹³Козлов А.П. Понятие преступления. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. - С. 629.

¹⁴Козлов А.П. Понятие преступления. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. - С. 628-629.

¹⁵Судебная статистика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=951>.

¹⁶Судебная статистика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=837>.

¹ Adelhanyan R. Élément serious crime against public health (part 4.111 of the Criminal Code) // Criminal Law. 2000. - № 1. - P. 4.

² Lukyanov V. Technological progress and the criminal law // Russian justice. -1999. - № 10. - P. 30.

³ Adelhanyan R.A. Grievous bodily harm under particularly aggravating circumstances: criminal law and criminological research: Author. dis. ... Candidate. jurid. Science. - Rostov-on-Don, 2000. - P. 8-9.

⁴ Sentence of the Kirov district court of Tomsk on the case № 1-64/12 [electronic resource]. URL:http://kirovsky.tms.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&op=show_text&srv_num=1&id=70600011202271030030621000682926.

⁵ Adelhanyan R.A. Grievous bodily harm under particularly aggravating circumstances: criminal law and criminological research: Author. dis. ... Candidate. jurid. Science. - Rostov-on-Don, 2000. - P. 19.

⁶ Adelhanyan R.A. Grievous bodily harm under particularly aggravating circumstances: criminal law and criminological research: Author. dis. ... Candidate. jurid. Science. - Rostov-on-Don, 2000. - P. 7, 18-19.

⁷ Sentence Industrial District Court Barnaul in the case № 1-250/12 [electronic resource]. URL:http://industrialny.alt.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&op=show_text&srv_num=2&id=22600651205220849282651000783012.

⁸ Rarog A.I. The crimes of subjective criteria. - St.: Legal Center Press, 2003. - P.116.

⁹ October Verdict District Court Barnaul in the case № 1-210/12 [electronic resource]. URL:http://oktabrsky.alt.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&op=show_text&srv_num=1&id=22600671205160946210761000753487.

¹⁰ Sentence Railway District Court Yekaterinburg in the case № 1-3/12 [electronic resource]. URL:http://zheleznodorozhny.svd.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&op=show_text&srv_num=2&id=66600021202031122401251000163211.

¹¹ Rarog A.I. The crimes of subjective criteria. - St.: Legal Center Press, 2003. - P. 64.

¹² Rarog A.I. The crimes of subjective criteria. - St.: Legal Center Press, 2003. - P. 116.

¹³ Kozlov A.P. The offense. - St.-P.: Legal Center Press, 2004. - P. 629.

¹⁴ Kozlov A.P. The offense. - St.-P.: Legal Center Press, 2004. - P. 628-629.

¹⁵ Court statistics [electronic resource]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=951>.

¹⁶ Court statistics [electronic resource]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=837>.

Сведения об авторе

Плаксына Татьяна Алексеевна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета, Барнаул; e-mail: plaksinata@yandex.ru

Ярцева Любовь Сергеевна - кандидат юридических наук, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин Алтайского экономико-юридического института, Барнаул; e-mail: institut@aeli.altai.ru

About the author

Plaksina Tatiana Alekseevna - Doctor of Law, Associate Professor of Criminal Law and Criminology, Altai State University, Barnaul; e-mail: plaksinata@yandex.ru

Yartseva Lyubov Sergeevna - PhD of Law, Head of the Department of State and legal disciplines Altai economic-legal institute, Barnaul; e-mail: institut@aeli.altai.ru